
ЮРИЙ ПАВЛОВ

СЛУЧАЙ ЭСТЕТСТВУЮЩЕГО ИНТЕЛЛИГЕНТА

В 1988 году появилась статья Бенедикта Сарнова “Какого роста был Маяковский” (“Огонёк”, № 19). В 2006 году вышли две книги этого критика “Маяковский. Самоубийство”, “Случай Мандельштама”. Во время их чтения я не раз задавался вопросом о росте самого Бенедикта Михайловича и вспоминал название другой его статьи “...И где опустишь ты копыта?” (“Вопросы литературы”, 1994, № 4).

Авторская концепция в объёмном сочинении Сарнова о В. Маяковском вырастает из свидетельств Лили Брик, её единомышленников, людей, идейно близких самому критику. В этом нет ничего особенного, такой путь избрали многие исследователи В. Маяковского – от отца и сына Катанянов до Бенгта Янгфельдта. Правда, все, идущие вослед за Л. Брик и “компанией”, транслируют накопившиеся фактические ошибки и мифы разного толка. Книга Б. Сарнова в этом смысле не исключение.

Её автор даже не заметил фактическую, элементарную арифметическую ошибку, допущенную Лилей Брик в письме к Иосифу Сталину, которое полностью приводится в начале первой главы. Через три страницы Сарнов повторяет эту неточность, вновь цитируя Лилю Юрьевну: “Прошло почти шесть лет со дня смерти Маяковского <...>”. Прошло, конечно, не почти шесть, а почти пять лет... Или в самой первой цитате книги, в воспоминаниях Галины Катанян, говорится о Виталии Марковиче Примакове следующее: “Он командовал тогда Ленинградским военным округом и был непосредственно связан с секретариатом Сталина”. Во-первых, Примаков был не командующим, а заместителем командующего. Во-вторых, письмо к Сталину попало не через Примакова, а через Агранова, что убедительно доказал В. Дядичев в статье “Прошлых дней изучая потёмки” (“Москва”, 1991, № 4).

Естественно, могут возразить – всё это мелочи... Но из подобных мелочей складывается у читателя общее представление о времени, Маяковском, о многом и многих. К тому же собственные оценки и характеристики Б. Сарнова вызывают не меньше возражений и вопросов. Приведу два характерных примера.

Уже во втором абзаце книги читаем: “Страна ещё не очнулась от раскулачивания и жуткого голодомора на Украине”. В последние 20 лет многократно доказывалось, что голодомор был не только на Украине (так представляют эту трагедию в сенате США и украинской Раде), но и в России: в Поволжье, на Кубани, Дону, Ставрополье. А ещё раньше появилось первое художественно-документальное свидетельство о голодоморе в Поволжье – роман М. Алексеева “Драчуны”.

Думаю, что Б. Сарнов всё это знает, но никогда, по идейным соображениям, данную версию событий не примет. Поэтому голодомор у него всегда –

лишь на Украине, а улица, идущая к храму (перифраз названия статьи И. Клямкина), будет пролегать где угодно, но только не в России.

Во времена перестройки, когда начали искать иные пути и ориентиры развития страны, Б. Сарнов в лучших “левых” традициях забраковал наш исторический опыт и как положительную альтернативу нарисовал такую благостную картину: “Вот, например, в Париже, говорят... есть памятник Людовику, и памятник Робеспьеру, и памятник Наполеону... Улица Коммунаров – улица генерала Галифе...” (“Огонёк”, 1988, № 19).

Историк Ю. Поляков сразу так отреагировал на этот пассаж поклонника и знатока цивилизованного мира: “Уж лучше бы Сарнова не заносило к Эйфелевой башне. Ведь в благополучном Париже однажды, во времена Коммуны, граждане низвергли Вандомскую колонну (памятник Наполеону). <...> А улицы Коммунаров в Париже нет <...> И памятника Робеспьеру в Париже тоже нет. Что касается памятника Людовику, то ответить трудно, поскольку Людовиков было ...надцать, а который из них интересуется Сарнова, в его статье не обозначено. Учась объективности, добавлю, что улицы генерала Галифе в Париже тоже нет” (“Литературная газета”, 1988, № 20).

Подобная “объективность” характерна и для книги Б. Сарнова “Маяковский. Самоубийство”. Непонятно, в частности, какими критериями руководствуется её автор, когда оценивает тех или иных исторических деятелей: их военные успехи в Гражданской войне, достижения в мирное время, служебное положение, восприятие окружающих и т. д. Например, почему В. Примаков именуется “одним из крупнейших советских военачальников”, а В. Антонов-Овсеенко и Н. Муралов – “фигурами второго и даже третьего ряда” (видимо, поэтому Б. Сарнов даже не удосужился назвать их имена).

Показательно, что в справочно-биографическом словаре 1926 года “Гранат” в числе 27 “выдающихся партийных и государственных деятелей революции и Гражданской войны”, наряду с Л. Троцким, М. Тухачевским, М. Фрунзе, С. Будённым и другими, названы Н. Муралов и В. Антонов-Овсеенко. В. Примаков же в данном списке отсутствует. Если Б. Сарнов берёт во внимание вершинные достижения по службе, то у Н. Муралова – это командующий Московским военным округом, а у В. Примакова, как говорилось, заместитель командующего Ленинградским округом.

Итак, названные и неназванные факты не дают оснований для столь высокой оценки Примакова. Быть может, и в этом случае Б. Сарнов смотрит на Виталия Марковича глазами Лили Брик? Не исключаю, что главным достоинством Примакова является то, что он любил именно её...

Там, где Б. Сарнов делает выходы на историю литературы, на творчество разных авторов XIX–XX веков, то, как правило, возникают проблемы фактического и концептуального планов. Например, о С. Есенине применительно к судьбе главного героя книги сообщается: “Его кляли за богохульство (как будто не богохульствовал Есенин!)”.

Богохульство Есенина – это временное явление 1917–1918 годов, это помрачение ума, не затронувшее сути личности и творчества поэта, помрачение, которое уже в 1919 году было преодолено. У Маяковского же богохульство – постоянная величина личности и творчества, величина, их суть определяющая.

Тема Есенина возникает и в книге “Случай Мандельштама”: “Вот, например, Сергей Есенин, этот “последний поэт деревни”, готовый “отдать всю душу Октябрю и Маю”, но с одним только единственным условием, чтобы не отобрали у него, сохранили ему его “милую лиру”. Стал бы разве он называть себя социалистом? Коммунистом? Марксистом? <...> А большевиком – пожалуйста! С дорогой душой!”. Во-первых, никаких условий в стихотворении “Русь советская” не ставится, более того, строфа, откуда приводится Б. Сарновым усечённая строка, начинается словами: “Приемлю всё, // Как есть всё принимаю”. Во-вторых, в этом стихотворении нет и намёка, что кто-то может отобрать у поэта лиру. В-третьих, сама композиция и логика данного высказывания Б. Сарнова вызывает возражения. Идеи стихотворения 1924 года продолжают и иллюстрируются стихотворением 1918 года “Иорданская голубица”. Хронологическая и смысловая инверсия здесь не уместна.

Подобная картина наблюдается и там, где речь у Сарнова идёт о Пушкине, Цветаевой, Мандельштаме, Блоке, Пастернаке (о двух последних скажу далее) и других.

Естественно, что Б. Сарнов благосклонно относится к тем авторам, которые, подобно ему, по-хлестаковски подходят к оценкам русской литературы. Явные фавориты у критика – это Виктор Шкловский и Дмитрий Быков.

Одна из главных, концептуальных идей книги Сарнова о Маяковском, идея “пробников”, вырастает из размышлений Шкловского о русской литературе XIX века в книге “ZOO, или Письма не о любви”.

Я по собственному желанию в 1976 году писал курсовую работу о творчестве В. Шкловского. Названную книгу, как и все остальные, прочитал трижды и с тех пор имею устойчивое мнение об этом “популярном в определённых кругах” авторе. Так вот, тот словесный бред В. Шкловского о Печорине, Онегине, Болконском и т. д., который принимает Б. Сарнов, цитировать не буду, комментировать тоже не вижу смысла. Я лишь прибегну к помощи Бенедикта Михайловича. Оценку, данную им М. Зощенко, переадресую В. Шкловскому: “Это уже даже не “каша в голове”, прямо безумие какое-то”. Истинно так.

Символом же советского одиозного критика в книге Б. Сарнова является Владимир Ермилов. О фигурах более одиозных, Леопольде Авербахе и Осипе Брике, либо никак, либо принципиально иначе. Догадайтесь сами, почему...

В восприятии Осипа Брика Б. Сарнов также находится в плену своей “первой любви”, Лили Брик и её последнего мужа В. А. Катаняна. Да, Лиля Юрьевна называла Осипа Максимовича гениальным, она предрекала, что его ум будет оценён будущими поколениями... И, думаю я, человек наивный, было бы естественно подтвердить прозорливость Лили и ум Осипа цитатами из работ последнего. Но увы, Осипа Максимовича лучше не цитировать, ибо станет очевидным, что он – не только не гений, но и просто неумный человек. Да и к тому же подлец, примитив, кровожадный...

Чуковская приводит свидетельство Анны Ахматовой: термин “внутренние эмигранты” по отношению к ней и Мандельштаму пустили Брики. Лидия Корнеевна ссылается также на выразительные строки Осипа Максимовича: “Враги советского народа, окопавшиеся в литературных организациях, подлые наймиты капиталистических разведок – бухаринцы, троцкисты, авербаховцы – смертельно ненавидели Маяковского”; “. . . Кровь Маяковского, так же как и кровь великого Горького, на их грязных руках” (Ч у к о в с к а я Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. – СПб., 1996).

Конечно, Б. Сарнов не мог обойти стороной расхожее мнение, что Осип Брик – следователь ЧК. Комментарий критика – “низ” исследовательского мастерства – поражает убийственной “убедительной” аргументацией: “<...> мне ничего не известно. Вроде – не был”. К тому же утверждается, что всех многочисленных и высокопоставленных чекистов к Брикам привёл В. Маяковский. Так, с подачи В. А. Катаняна, последнего мужа Лили Брик, стрелки с Осипа Максимовича переводятся на Владимира Владимировича.

Влияние Катаняна на Сарнова сказывается и в трактовке других вопросов. Так, говоря о “приятелях-чекистах” В. Маяковского, Б. Сарнов называет их в том порядке и количестве, в котором они приводятся у Василия Абгаровича. Или понятно, почему Сарнова устраивает следующая версия Катаняна: “В 1920–1921 гг. Осип Максимович работал в Юридическом отделе МЧК”; “У Осипа Максимовича от времени его работы в МЧК не осталось никаких связей и знакомств”. Конечно, хотелось бы, чтобы Сарнов как-то реагировал, комментировал те работы, в которых версии, транслируемые критиком, опровергаются. Так, по свидетельству В. Дядичева, “На январь 1924 года О. М. Брик был штатный – на должности “уполномоченный 7 отделения секретного отдела” – сотрудник ОГПУ. А прямым начальником Осипа Максимовича был Яков Саулович Агранов, в 1923–1929 годах – зам. начальника секретного отдела ОГПУ” (Д я д и ч е в В. Маяковский. Жизнь после смерти: продолжение трагедии // Наш современник, 1993, № 12).

В этих случаях, когда Сарнов “экспериментирует” с историей литературы, не знаю, кого больше жалеть: автора, который так подставляется, или читателя, который сарновскую “лапшу” может проглотить. Например, на 157-й странице книги утверждается: “Через четыре года после смерти Маяковского были упразднены все литературные группировки, школы, течения, направления. Не стало ЛЕФов, ни конструктивистов, ни РАППов, ни ваппов, ни маппов”.

Во-первых, литературные группировки были упразднены не в 1934, а в 1932 году постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля “О перестройке литератур-

но-художественных организаций”. Во-вторых, ЛЕФ перестал существовать ещё в 1929 году, был преобразован в РЕФ, а конструктивисты самораспустились 1930 году. В-третьих, нужно писать: ВАПП, МАПП.

В книге “Случай Мандельштама” Б. Сарнов объясняет судьбу Осипа Эмильевича – и параллельно В. Маяковского, Б. Пастернака, С. Есенина – через феномен интеллигенции. Ключевые для всей книги размышления критика об этом феномене страдают логическими и понятийными провалами, фактическими неточностями.

Главным достоинством интеллигенции Сарнов называет стремление к истине. Однако следующим уточнением данное утверждение по сути перечёркивается: “<...> Всё, что лежит за пределами этого самого “своего мнения”, для него (интеллигента. – Ю. П.) просто не существует”. Если критик прав, а в этом случае он прав, то стоило ли тогда городить огород из истины?

У Сарнова подобные вопросы, естественно, не возникают, в книге он не раз обращается к данному феномену и в итоге выдвигает такую версию. Трагедия интеллигенции заключается в том, что она пренебрегла истиной во имя правды-справедливости. К тому же Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Л. Толстого Б. Сарнов не только относит к интеллигенции, с чем согласиться нельзя, но и ставит их в один ряд с В. Белинским, Н. Чернышевским, Н. Добролюбовым, что абсурдно вдвойне.

Этим произвол критика не ограничивается. Он утверждает, что Гоголь, Достоевский, Толстой в становлении психологического типа интеллигента сыграли не меньшую роль, чем Белинский и “компания”. В качестве же доказательства приводится известное высказывание Достоевского о Христе и истине. Оно, с точки зрения Сарнова, “проливает больший свет на духовный облик русского интеллигента, чем все писания Чернышевского и Добролюбова, вместе взятые”.

Тезисно скажу об очевидном. Сама постановка вопроса “...если б кто мне доказал, что истина вне Христа” – это ориентация на оппонента, который представляет секулярный, в частности, интеллигентский подход к пониманию проблемы. Для Достоевского же подобной дилеммы “истина – Христос” не существовало, ибо истина во Христе. На это он неоднократно указывал в споре со своими идейными противниками, в том числе теми, кого Сарнов ставит в один ряд с Достоевским. Критик забывает и то, что сущность русского народа Фёдор Михайлович напрямую связывает с Христом и Православием: “...кто не понимает Православия – тот никогда и ничего не поймёт в народе”; “Я утверждаю, что наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение его”; “А идеал народа – Христос”.

На фоне этих и им подобных многочисленных высказываний великого писателя ещё более очевидна искусственность, пустота, мертворождённость концепции Б. Сарнова, которой он стремится придать универсальный характер: “Подобно Достоевскому, она (интеллигенция. – Ю. П.) всегда, выражаясь фигурально, готова была остаться не с истиной, а – “с Христом”. А Христом русской интеллигенции был народ”. Последнее предложение – ещё одна лукавая формула, позволяющая подвергать под теорию Сарнова многих и многих авторов XIX–XX веков.

Для критика русский народ един, для писателей, на которых он ссылается, – нет. Ф. Достоевский, говоря о народе, имеет в виду народ, условно говоря, “с Христом”, народ, ориентированный на традиционные национально-православные ценности. В. Маяковский обращается к народу “без Христа”, к денационализированной, обезбоженной людской массе, к коей принадлежал сам. Поэтому только неприятие и улыбку вызывает дальнейшее оригинальничанье Б. Сарнова: “...Между тем это странное занятие (“наступить на горло собственной песне”) было естественным и закономерным продолжением уже знакомой нам всё той же давней русской традиции духовного мазохизма. Ибо что ещё может означать готовность наступать на горло собственной песне, как не желание вопреки и назло всему “остаться со Христом”.

Известное же выражение И. Бунина “и дубина, и икона”, которым неудачно жонглирует Б. Сарнов, применимо только к третьему – амбивалентному народу. Сущность же народа “без Христа” (Н. Добролюбов, В. Маяковский, А. Вознесенский, В. Ленин, Н. Бухарин, Б. Ельцин), сколько его ни “скреби”, в какие условия ни ставь, останется неизменной. Выражением этой сущности является, опять по Бунину, “дубина”, “Емелька Пугачёв”, а не “икона”,

“Сергий Радонежский”. В одном Бенедикт Михайлович прав: случай В. Маяковского — случай интеллигента.

Сарнов любит с опорой на чужое мнение подчеркнуть неэстетичность человека, явления и сделать далеко идущие выводы.

В книге “Случай Мандельштама” Б. Сарнов так комментирует желание Пастернака встретиться со Сталиным, поговорить с ним “о жизни и смерти”: “Зачем ему это понадобилось? Что нового мог сообщить питомцу Марбургского университета, ученику Когена, человек, который развлекался плясками под баян и украшал стены своего кабинета цветными фотографиями, вырезанными из “Огонька”?

Питомец — это, конечно, сильно сказано. Один семестр (неполных три месяца) в Марбурге, вперемешку с любовями, поэтической лихорадкой — это “курс молодого бойца” в лучшем случае. На ученика Когена Пастернак тоже не тянет: прослушанный курс лекций, две встречи, успешно защищенные рефераты — это ещё не основание называться учеником. Да и хорошо, что Пастернак им не был.

Баян же, конечно, не интеллигентский инструмент, другое дело — скрипка, рояль... Видимо, ценителям “высокой” музыки В. Ленину или Н. Бухарину было о чём поговорить с “небожителем” Пастернаком? Не знаю. Мне вспоминается словесный “баян”: “дубиноголовые” статьи Ленина о Л. Толстом и мерзкопакопнейшая блевотина “Злых заметок” “умницы” Бухарина.

Б. Сарнов любит называть свои книги “Случай Зощенко”, “Случай Мандельштама”. Случай же самого Бенедикта Михайловича — это случай эстетствующего интеллигента со всеми вытекающими отсюда названными и неназванными последствиями.

* * *

Закономерно, что центральная тема в книге Б. Сарнова “Маяковский. Самоубийство” — это тема любви. Не менее закономерно и то огромное внимание, которое уделяется автором Лиле Брик. Однако сарновское видение “музы Маяковского” — это немного модернизированный старый миф о Лиле Брик. Не помогло (а может быть, только помешало) многолетнее общение Сарнова с возлюбленной Маяковского.

Начнём с самого простого — “тёмных пятен”, “загадок” биографии Лили Юрьевны. На первых страницах книги сообщается, что в 1935 году, в момент отправки письма И. Сталину, В. Примаков был мужем Брик. Однако известно и другое: Лиля до конца жизни Осипа Брика оставалась его женой, то есть до 1945 года включительно.

Двоемужество Лили Юрьевны — миф это или реальность? Данный вопрос в книге Б. Сарнова остаётся открытым. Приведу наиболее вероятные варианты ответов на него.

Примаков был не мужем, а любовником Л. Брик. Сарнов же подменяет понятия, используя неуместный в данном случае эвфемизм. К этому критика мог подтолкнуть аналогичный случай с Маяковским. По свидетельству Сарнова, Лиля Юрьевна попросила убрать из его статьи слово “холостяк”, употреблённое по отношению к Маяковскому. По её словам, она была поэту женой. Правда, Мария Синякова говорит об обратном: на слова Маяковского “Лиличка — моя жена”, она ему ответила: “Муж у меня — только Брик, а ты, Володя, только любовник” (“Вопросы литературы”, 1990, № 4).

Возможен и другой вариант. Брик действительно была женой Примакова. Но тогда возникает вопрос: как удалось ей это сделать при живом муже Осипе Максимовиче? Видимо, так же, как в случае с В. Маяковским...

Б. Сарнов приводит очень много свидетельств современников, цитат разных исследователей (правда, удивляют размеры этих цитат: создаётся впечатление, что Бенедикт Михайлович искусственно увеличивает объём книги). Однако чаще всего приводятся высказывания одной направленности, немало исследований о В. Маяковском за последние 20 лет остаются за “кадром”. То ли их Б. Сарнов не читал, то ли умышленно обходит стороной, в первую очередь те работы, которые идут вразрез с его концепцией. В этом смысле повезло лишь Ю. Карабчиевскому и В. Корнилову, с которыми автор книги полемизирует.

Легко, с гневом или иронией, говорить о “расистах с партийными билетами”, “колосковых, воронцовых” и т. д., гораздо труднее аргументированно дискутировать с серьёзными исследователями, В. Дядичевым, например. В его статьях “Прошлых дней изучая потёмки” (“Москва”, 1991, № 4), “Маяковский. Жизнь после смерти: продолжение трагедии” (“Наш современник”, 1993, № 12), “Маяковский: стихи, поэмы, книги, цензура... Фрагменты по смертной судьбы поэта” (“Литературное обозрение”, 1993, № 9, 10) даётся альтернативный подход ко многим проблемам, затрагиваемым в книге Б. Сарнова. Кстати, Лидия Чуковская в первом томе своих “Записок об Анне Ахматовой”, вышедших в 1996 году, ссылается на статью В. Дядичева в “Нашем современнике”. Она, в частности, помогла Лидии Корнеевне понять мотивы поведения, “штучки Мишкевича”. Бенедикт Сарнов и в 2006 году о работах Владимира Дядичева – ни слова.

Конечно, можно предположить, что за таким молчанием стоит нежелание автора полемизировать с разными там “черносотенцами”. Но есть и “благонадёжные” исследователи, которых Сарнов также не замечает, Л. Кацис, например. Он в статье “Гейне. Розанов. Маяковский. К проблеме иудео-христианского диалога в русской культуре XX века” (“Литературное обозрение”, 1993, № 1, 2) выдвигает новую, религиозную версию нерушимости брака Лили и Осипа Бриков. Л. Кацис, отталкиваясь от факта венчания молодожёнов московским раввином, утверждает: “Таким образом, Лилия Брик (точнее было бы: Лили Каган. – Ю. П.) была отдана Богом не просто мужу, а мужу-еврею, со всеми вытекающими при этом синагогальными формальностями <...> Наш взгляд, тот факт, что брак Лили Юрьевны и Осипа Максимовича Бриков не был расторгнут до конца дней последнего, несмотря на все перипетии личных отношений супругов, лишь подтверждает это”.

“Отдана Богом”, “синагогальные формальности” – звучит внушительно. Осталось только привести свидетельства, подтверждающие эту версию. Но их нет и быть не может, ибо Брики были атеистами.

Если всё же пойти по пути Л. Кациса и предположить их скрытую религиозность, то тогда нужно ответить на следующие вопросы. Иудаизм отменяет понятие “супружеская верность”? Как совместить “отдана Богом” (помните, что в такой ситуации говорит и делает Татьяна Ларина) с многочисленными изменами Лили Брик... К тому же свадьба по еврейскому обряду, на что упирал Л. Кацис, – не гарантия нерушимости брака.

Для сравнения возьму историю с “аномальной” Софией Парнок. Это позволяет увидеть ещё большую “аномальность” Лили Брик, которая для Сарнова и многих других является символом женственности.

Лесбиянка Парнок, испытывая неприязнь к мужчинам, выходит замуж за Володю Волькенштейна ради того, чтобы иметь детей. Соня, с её же слов, “слишком еврейка”, как и Лили Каган, венчается в синагоге. Однако менее чем через два года Парнок разводится с мужем. Выяснилось: детей она иметь не может, а скрывать свою страсть к женщинам под ширмой “синагогальных формальностей” она не захотела. Однако потребность в материнстве прорывается в ней и позже, в частности, в мечтах с Мариной Цветаевой об их ребёнке...

Для меня, при всём моём резко отрицательном, нетерпимом отношении к людям с нетрадиционной ориентацией, лесбиянка Соня Парнок больше женщина, чем Лилия Брик, в которой абсолютно атрофировано материнское начало, собственно, и делающее женщину женщиной.

Элли Джонс в книге Б. Сарнова удостоилась лишь беглого упоминания, в чём также видна “школа” Брик. Однако именно мать дочери Маяковского точно определила традиционное понимание любви, которое было не доступно Лиле Брик: “Любить – значит иметь детей”.

Понимаю, что моё отношение к “музе Маяковского” будет квалифицировано Б. Сарновым и его единомышленниками как проявление антисемитизма. Вообще антисемитизм – большая тема для Сарнова, она лейтмотивом проходит через книгу “Маяковский. Самоубийство” и всё его творчество.

В мемуарах “Скуки не было: Первая книга воспоминаний” (М., 2004) Б. Сарнов рассказывает об атмосфере, в которой он сформировался как личность, о своём “гайдаровском” гражданстве. Его представители считали, что будет существовать “только советская нация”, и всё вроде бы к этому шло. Правда, в семье Сарнова не только не забыли о своём национальном проис-

хождении, но в отношении к евреям видели ключ к пониманию событий, явлений. Например, отец Бенедикта Михайловича каждый год внимательно изучал списки лауреатов Сталинской премии с одной целью – выяснить, сколько из них евреев. “Еврейских фамилий в этих списках всегда было много”. Как видим, Б. Сарнов не скрывает то, что очевидно и о чём ещё с конца 80-х годов не раз писали “правые”, В. Кожин в первую очередь.

В тенденции же уменьшения числа евреев среди награждённых отец Сарнова увидел подтверждение “слухам о набирающем силу государственном антисемитизме”. Более чем странный “научный” подход отца никак не комментируется ироничным Бенедиктом Михайловичем, а ведь вопросы напрашиваются сами собой. Успехи евреев в различных областях жизнедеятельности – это величина постоянная или только возрастающая? Лауреаты и евреи – это “близнецы-братья”? Если Сталинскую премию получили, скажем, М. Шолохов и Л. Леонов, а не А. Рыбаков и В. Гроссман, то это уже свидетельствует о государственном антисемитизме, “что, – как сказано у Сарнова, – для евреев установлен некий фильтр”? Тогда прошу огласить список лауреатов Государственной премии и прочих триумфов за последние двадцать лет, а выводы пусть сделает Бенедикт Михайлович.

О многом говорит и тот факт, что для семейства Сарновых, их друзей критика Сталиным пьесы Д. Бедного “Богатыри” сродни – прошу набраться мужества – “пакту Сталина (читай: Молотова. – Ю. П.) с Гитлером (читай: Риббентропом. – Ю. П.)”, это “резкий поворот в сторону великодержавного шовинизма”, а для маленького Бени – “первая серьёзная травма”, нанесённая его “гайдаровскому сознанию”.

Есть в мемуарах Сарнова эпизод, который дорогого стоит. Он свидетельствует, что не мифический государственный антисемитизм, а русофобия была важнейшей составляющей “советского общежития”, которое воспевал В. Маяковский. Большевик, сосед Сарнова, так отреагировал на известный тост Сталина за русский народ: “Ведь я двадцать лет боялся сказать, что я русский”. Бенедикт Михайлович ставит под сомнение количество лет, но соглашается с соседом в главном: слово “русский” долгое время было чуть ли не синонимом слова “белогвардеец”. И действительно, “русский” означало идейно неблагонадёжный, контрреволюционер. Но в своих объёмных мемуарах, толстенных книгах “Маяковский. Самоубийство”, “Случай Мандельштама” Сарнов говорит об этом лишь один раз, предпочитая твердить всё об антисемитизме и антисемитизме.

В мемуарах Сарнова у меня – без преувеличения – вызывает шок рассказ о том, каким умным, пророчески прозорливым был мальчик Бенья. Его, восьмилетнего, изумляет выражение “умный человек”, употреблённое по отношению к Сталину. Оно воспринимается Бенией “как совершенно неуместное, неправильное, никак к нему не относящееся”. А когда мальчику было 11 лет, он в газетных судебных отчётах находил “только липу, только проколы, только те места, где скрипящая, плохо смазанная машина государственного правосудия давала какой-нибудь очередной сбой”. Навыки, приобретённые в детстве, критик Б. Сарнов, как говорили раньше, развил и приумножил. Книга “Маяковский. Самоубийство” тому подтверждение.

Она, собственно, темой антисемитского заговора против Лили Брик и начинается. Сарнов сообщает, что желание опубликовать письмо “единственной музы” Маяковского Сталину возникло у него “в связи с гнусной кампанией, которая на протяжении нескольких лет велась тогда против неё в печати. Кампания эта имела вполне определённую антисемитскую подкладку”.

Мне, человеку не столь сообразительному, как Б. Сарнов, трудно понять, о какой кампании идёт речь, ибо ссылками на авторов и издания критик себя в данном случае не утруждает. Видимо, имеются в виду статьи “Любовь поэта” В. Воронцова, А. Колоскова (“Огонёк”, 1968, № 16), “Трагедия поэта” А. Колоскова (“Огонёк”, 1968, № 23, 26). Но на кампанию, да ещё в несколько лет, эти статьи не тянут. Да и В. Катанян в своей заметке “Несколько слов о Лиле Юрьевне Брик” (“Дружба народов”, 1989, № 3) ссылается только на “лживые статьи “Огонька” 1968 года”.

Автором же первого выступления против Бриков и их окружения был Борис Маркович Таль, заведующий отделом печати и издательств ЦК ВКП(б), о чём в книге Б. Сарнова, конечно, не говорится. Таль ещё в 1935 году в письме к Иосифу Сталину говорит об опасности “приватизации” наследия В. Мая-

ковского: “Они хотели бы сделать издание произведений В. В. Маяковского своим групповым или семейным делом” (“Литературное обозрение”, 1993, № 9, 10). Однако письмо не помогло, и “приватизация” состоялась...

Критика Лили Брик иной направленности содержится в письмах Людмилы Владимировны Маяковской к матери и отчиму Татьяны Яковлевой, а также Михаилу Суслову, Леониду Брежневу: “Я очень благодарна <...> за доверие и передачу мне материалов, которые дают мне твёрдую уверенность в том, что их разлучили искусственно, путём интриги лиц, заинтересованных в том, чтобы держать брата около себя и пользоваться благами, к которым привыкли” (“Литературное обозрение”, 1993, № 6); “На самом деле к дому, где сейчас находится музей Маяковского, поэт имел малое отношение. Квартира, которая числилась за Маяковским и которую он содержал за свой счёт, как и её жильцов – О. М. Брика и Л. Ю. Брик. Брат мой там имел лишь одну маленькую комнату, где иногда ночевал в последние четыре года”; “Здесь за широкой спиной Маяковского свободно протекала “свободная” любовь Л. Брик. Вот то основное, чем характеризуется этот “мемориал” <...>. Брики боялись потерять Маяковского. С ним ушла бы слава, возможность жить на широкую ногу, прикрываться политическим авторитетом Маяковского. Вот почему они буквально заставили Маяковского потратиться и на меблированные бриковские номера...” (“Вопросы литературы”, 1994, № 4).

Думаю, такие обвинения нельзя оставлять незамеченными, любой исследователь, стремящийся к объективности, просто обязан их комментировать. По иронии судьбы два последних письма опубликованы в журнале, в котором давно трудится Б. Сарнов. К тому же подобные мысли высказывали и высказывают самые разные авторы, и некоторых из них даже Бенедикт Михайлович, думаю, не осмелится записать в антисемиты.

Напомню, что Анна Ахматова, по свидетельству Лидии Чуковской, всегда “с презрением и гневом” относилась к Брикам. Об этом, в частности, свидетельствуют следующие её суждения: “Литература была отменена, оставлен был один салон Бриков, где писатели встречались с чекистами” (20 мая 1940); “Лиля всегда любила “самого главного”: Пунина, пока он был “самым главным”, Краснощёкова, Агранова, Примакова... Такова была её система” (25 апреля 1959); “Я её видела впервые в театре на “Продавцах славы”, когда ей было едва 30 лет. Лицо несвежее, волосы крашенные, и на истасканном лице – наглые глаза” (25 июня 1960); “Знаменитый салон должен был называться иначе... И половина посетителей – следователи. Всемогущий Агранов был Лилиным очередным любовником. Он по Лилиной просьбе не пустил Маяковского в Париж, к Яковлевой, и Маяковский застрелился” (11 ноября 1962).

То есть задолго до публикаций в “Огоньке”, которые во многих отношениях ущербны, высказывались суждения, серьёзно разрушающие миф о Бриках и Маяковском. И эти суждения отнюдь не безупречны, требуют коррекции разной степени, но их авторы ближе к истине, чем Б. Сарнов.

Есть, несомненно, и оценки, правота которых не вызывает сомнений. Действительно, Лиля Брик “использовала” В. Маяковского: как минимум, последние 8 лет он был для неё “кошельком”, средством для безбедного существования. Достаточно прочитать письма и телеграммы Л. Брик к поэту, собранные в книге Б. Янгфельдта, чтобы понять: деньги в её отношениях с В. Маяковским были, как раньше выражались, движущей силой. Приведу выдержки из посланий Лили Брик только за 5 месяцев 1925 года: “Пришли мне, пожалуйста, визу и денег” (3 августа); “Надо денег на квартиру <...>” (13 августа); “Масса долгов. Если можешь, переведи немедленно телеграфно денег” (12 сентября); “Щенёнок деньги получила” (18 сентября); “Волосит деньги получила” (8 октября); “Переведи мне телеграфно денег” (24 октября); “Прошу срочно перевести мне денег” (27 октября); “Телеграфируй, есть ли у тебя деньги. Я совершенно оборванец <...> Купить всё нужно в Италии – много дешевле. Хорошо бы достать тебе визу, чтобы смог приехать за мной” (4 ноября).

Возмущаются и напоминают “про это”, про любовную составляющую писем и телеграмм. Отвечу: “про это” – лишь местами красивые слова, которые умирают в “некрасивых” поступках, лишь словесная пудра, частично прикрывающая вывихнутые, лживые, расчётливо-циничные отношения. Их, в частности, характеризуют следующие строки из посланий Лили Брик поэту (три первых адресованы Маяковскому и Осипу Брику): “Хочу целоваться с вами!! Ждёте?

Ваша верная Лиля <кошечка>” (9 декабря 1921); “Скоро приеду и больше никуда никогда от вас не уеду!!!” (23 апреля 1922); “Почему, Осип, ты не жил дома? <...> Пришлите вы, чёрт вас возьми, толстых папирос! Сколько раз просила!!! Тра-та-та-та-та!... Целую восемь лаников. Ваша до гроба <кошечка>” (28 декабря 1921); “Это правда, хотя я не обязана быть правдивой с тобой” (до 31 января 1923); “Пиши подробно, как живёшь (с кем – можешь не писать)” (26 июля 1925); “Очень хочется автомобильчик <...> Много думали о том – какой. И решили – лучше всего Фордик <...> Только купить надо непременно Форд последнего выпуска, на усиленных покрышках-баллонах; с полным комплектом всех инструментов и возможно большим количеством запасных частей” (25 апреля 1927).

Естественно, что для меня Лиля Брик, если аккуратно выражаться, блудница, для Бенедикта Сарнова – “первая любовь”, “больше, чем женщина, сверхженщина”.

Именно с таких жреческих высот оценивает Лиля Брик свою соперницу Татьяну Яковлеву в письме к сестре от 17 декабря 1928 года: “Элик! Напиши мне, пожалуйста, что за женщина, по которой Володя ходит с ума, которую он собирается выписать в Москву, которой он пишет стихи (!!!) и которая, прожив столько лет в Париже, падает в обморок от слова *merde*?! Что-то не верю я в невинность русской шляпницы в Париже”. Как видим, опыт блудницы играет в данном случае немалую роль. К тому же налицо, как этого Сарнов не заметил, национальное предубеждение к русским: надо полагать, что если бы шляпница была, скажем, гречанка или еврейка, то Лиля Брик в её невинность поверила бы?

Не заметил Б. Сарнов заведомой лжи о Т. Яковлевой и в словах родной сестры Лили Брик Эльзы Триоле, которые приводит в книге без комментариев. Я из большой цитаты возьму один фрагмент: “А потому трудному Маяковскому в трудной Москве она предпочла лёгкое благополучие с французским мужем из хорошей семьи. И во времена романа с Маяковским продолжала поддерживать отношения со своим будущим мужем... Володя узнал об этом”. Очевидно, что Эльза Триоле работает на сестру и “зачищает” её соперницу “по полной программе”. В реальности никакого параллельного романа у Татьяны Яковлевой не было: он начался уже после того, когда женщине стало известно, что Маяковский не приедет в Париж (как утверждают многие, по воле Брик). Маяковский же о якобы романе ничего не знал, его технично известили сестры Каган уже о состоявшейся свадьбе Яковлевой. Очевидно и другое: в отличие от Лили, Татьяна всю жизнь работала и не стремилась к “лёгкому благополучию”. То есть не вызывает никаких сомнений, что Татьяна Яковлева более достойный человек, женщина, чем Лиля Брик. Только не надо искать в этой оценке “антисемитскую подкладку”, видеть противопоставление “русская женщина” – “жидовка”.

Остаётся за пределами книги Сарнова и то, что Лиля Брик “использовала” Маяковского и после смерти поэта, о чём подробно и доказательно рассказывается в статье В. Дядичева “Маяковский. Жизнь после смерти: продолжение трагедии” (“Наш современник”, 1993, № 12). Приведу не требующий комментариев пример. Уже через 4 дня после того, как постановление СНК РСФСР вступило в силу (в нём, в частности, говорилось, что издаваться полное собрание сочинений Маяковского должно “под наблюдением Лили Брик”), “вдова” поэта писала: “Прошу выдать мне следуемые (так у неё. – Ю. П.) мне с Госиздата три тысячи рублей за В. В. Маяковского”.

Б. Сарнов игнорирует высказывания Ахматовой, Маяковской и потому, что они хронологически и идейно разрушают тот миф, который критик навязывает читателю. Смысл кампании против Брик Сарнов видит в том, “чтобы оторвать Лилу от Маяковского, – доказать, что она никак и ничем не была с ним связана. И если была в его жизни настоящая любовь, то это была любовь к “русской женщине” Татьяне Яковлевой. Этим расистам с партийными билетами членов Коммунистической партии (один из них был довольно крупным партийным функционером – помощником самого Сулова) было наплевать даже на то, что единственной настоящей любовью великого пролетарского поэта в их интерпретации оказалась белоэмигрантка. Чёрт с ней, пусть эмигрантка, пусть кто угодно, только бы “русская женщина”, а не “жидовка”.

Когда встречаешь такое на протяжении 669 страниц книги, то наступает момент привыкания, многое даже не удивляет, воспринимается как норма:

отсутствие высказываний тех, с кем полемизирует критик, свободный пересказ, точнее, сочинение на заданную тему с “антисемитской подкладкой”... Но иногда прорываются откровения, оценки, к которым привыкнуть невозможно. Они, мягко выражаясь, удивляют и “оживляют” текст.

Например, во время разговора “про это” Б. Сарнов касается слухов об импотенции и сифилисе своего любимого поэта. И делает сие с удовольствием, особенно явным тогда, когда дважды приводит версии Лили Брик. Так, на вопрос Сарнова о сифилисе ответ был таков: “Да не было у Володи никогда никакого сифилиса! – гневно сказала она. И тут же без тени смущения добавила: – Триппер – был”. Далее следует авторский комментарий, который красноречиво характеризует самого Бенедикта Сарнова: “Мол, что было – то было. И она этого не скрывает. И стесняться тут нечего: дело житейское”.

Ещё в начале прошлого века Василий Розанов, нелюбимый В. Маяковским и Л. Брик, упрекал декадентов в том, что их интерес, их взгляд на женщину выше пояса не поднимается. Подобный интерес к “низу” очевиден и у Сарнова, что наглядно проявляется в тех случаях, когда этот интерес искусственно навязывается либо к нему все отношения сводятся.

Б. Сарнов в свойственной ему игриво-ироничной манере так комментирует мемуарные откровения Вероники Полонской: “Стало быть, не только в карты играли они там у него, на Лубянке, когда оставались вдвоём”. Да, не только... И секрета из этого Полонская не делает, более того, сообщает о своей беременности от Маяковского, об аборте, о его бессердечно-циничной реакции... Однако все эти факты остаются “за кадром”, за пределами книги Бенедикта Сарнова. Он в очередной раз сознательно искажает реальность, ибо отношение поэта к аборту в образ, создаваемый критиком, не вписывается. В данном случае, как и во всех других, Маяковского необходимо оценивать по достоинству: определять реальный вес его слов по поступкам. На этот единственно правильный путь мягко указывает в письме к поэту Элли Джонс: “Вы же собственную печёнку готовы отдать собаке – а мы просим так немного”.

Возвращаясь к истории с “травлей”, замечу: Б. Сарнов мог и должен был сказать, что в защиту Лили Брик в течение месяца выступили З. Паперный, К. Симонов, С. Кирсанов, Б. Слуцкий. Не знаю, была ли данная акция кем-то инициирована или она – спонтанное выражение чувств и мыслей названных авторов? Очевидно одно: по главному вопросу они высказываются стандартно, как будто под копирку, повторяя миф, успешно внедрённый Бриками, Катаняном и т. д. Например, Семён Кирсанов просит ЦК КПСС (вот размах!) “принять меры” (хорошая формулировочка) против “<...> кампании травли и клеветы по отношению к женщине, которая была любимой подругой Маяковского до конца его жизни” (“Вопросы литературы”, 1994, № 4).

Через 17 дней уже Борис Слуцкий просит “уважаемого Леонида Ильича” вмешаться в кампанию травли Л. Брик и в утверждение “совершенно новой “концепции” жизни и творчества Маяковского” (“Вопросы литературы”, 1994, № 4). В этом письме пробриковская позиция не только достигает своего апогея, но и очень своеобразно проецируется на творчество поэта: “Главная задача этих высказываний – опорочить Лилию Юрьевну Брик, самого близкого Маяковскому человека, женщину, которую он любил всю жизнь и о которой писал всю жизнь”.

Таким образом, накануне юбилея поэта ставится под сомнение большая часть его любовной лирики”.

Если бы это – “в огороде бузина, а в Киеве дядька” – выдал Ст. Куняев или В. Бондаренко, то легко представить реакцию Б. Сарнова, как и любого “левого”. Но автор данного послания Борис Слуцкий... И я тоже “промолчу”... Скажу о другом – общем месте у исследователей Маяковского. В данном письме Слуцкого в заострённой форме выражено буквальное понимание любовной лирики. Подобным образом отреагировала на цикл стихотворений, посвященный ей, Наталия Волохова. На слова женщины о слишком вольной интерпретации их отношений Блок пропророчествовал о “соусе вечности”. Именно этот план не берётся во внимание и прекрасным поэтом Б. Слуцким, и... критиком Б. Сарновым, и многими другими. Суть проблемы, думаю, точно выразила Лидия Чуковская во втором томе “Записок об Анне Ахматовой”: “Я думаю, Маяковский любил всех трёх – и ещё тридцать трёх в придачу, и мне непонятно стремление исследователей и не исследователей во что бы то ни стало установить какую-то единственную любовь их героя – будь то Турге-

нев <...>, или Байрон и Пушкин <...>. К чему это? Проблема нерешаемая, да и бесплодная”.

Конечно, обращение к еврейской и антисемитской темам обусловлено сколь личностью Б. Сарнова, столь и реалиями биографии Л. Брик и В. Маяковского. Лиля Юрьевна очень остро воспринимала своё национальное происхождение и отношение к еврейству вообще. По её словам, оно “было больное с самого начала” из-за судьбы отца. Естественно, что В. Маяковский заразился подобным отношением от Лили. Однако у обоих “больное” периодически принимало неадекватно-гипертрофированные формы, как в случае с Белинсоном. Об этом Лиля Юрьевна рассказывает в мемуарах, допуская в одном абзаце следующие фактические ошибки. “Биржевые ведомости” – это не альманах, а газета. Альманах же назывался “Стрелец”, где и были опубликованы стихи В. Маяковского вместе, по словам Л. Брик, с “антисемитской статьяшкой Розанова” (“Дружба народов”, 1989, № 3). И не выходил В. Маяковский из “числа сотрудников” (потому что никогда не являлся сотрудником ни “Биржевых ведомостей”, ни “Стрельца”), а просто заявил: “Появление столь неприятного соседа заставляет меня считать себя впредь не имеющим к “Стрельцу” никакого отношения”.

Непонятно, почему в статье В. Розанова “Из последних страниц истории русской критики” В. Маяковский увидел “охотнорядскую гримасу”. Ещё более непонятно, почему Владимир Владимирович только через полгода дал “звонкую пощёчину” редактору “Стрельца” Белинсону. Может быть, хотел покрасоваться перед Лилей, с которой шёл рядом? А как же бедный Белинсон, он тоже был с дамой?

В беседах с Романом Якобсоном В. Маяковский не раз говорил, что ничто его не приводит в такое состояние возмущения, гнева и ненависти, как юдофобство. Ненависть к любому народу – болезнь, и мне непонятно, почему В. Маяковский, Л. Брик, Б. Сарнов и многие другие заикливаются только на евреененавистниках. Реакция на последних у В. Маяковского всё же мягче, чем у легендарной Ариадны Скрябиной (не путать с её матерью, у которой был роман с Мариной Цветаевой). Владимир Хазан сообщает: “Однажды в её присутствии кто-то заподозрил в антисемитизме поэта Г. Иванова. “Следует раздавить его, как клопа, поставить к стенке”, – последовала незамедлительная и беспощадная реакция Скрябиной” (Х а з а н В. Особенный еврейско-русский воздух. Иерусалим–Москва, 2001).

Во многих мемуарах и исследованиях говорится о совместной “еврейской” акции Л. Брик и В. Маяковского. В 1926 году друзья поэта и Лиля Брик снимали фильм “Евреи на земле”. Маяковский, как утверждает В. Шкловский, сделал надписи к нему (Ш к л о в с к и й В. За сорок лет: Статьи о кино. – М., 1965), а затем, по свидетельству Брик, “устроил в Доме союзов гигантский писательский вечер, сбор с которого пошёл целиком на еврейские колонии” (Цит. по кн.: Я н г ф е л ь д т Б. Любовь это сердце всего. В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик: Переписка 1915–1930. – М., 1991).

В этом стихотворении особенно впечатляет финал, строки, которые не могут не вызвать сострадания к жертвам погрома и ненависть к тем, кто его творит: “И липнет // пух // из перин Белостока // к лежащим глазам, // которые выколоты”. Однако само стихотворение в целом – это талантливая иллюстрация примитивных “левых” мифов о царской власти как о вдохновителе и организаторе еврейских погромов.

Для меня не менее показательны то, что другой погром, жертвами которого стали миллионы, В. Маяковский поддержал и по-разному воспевал в лирике и эпике. Закономерно, что и Б. Сарнов не заметил этот погром 1918–1922 годов. Зато, ведя речь о конце 20-х годов XX века, он вслед за своим единомышленником Д. Быковым с грустью повторяет: “От революции отлетела душа”, и делает глобальные – из серии ненаучной фантастики – выводы...

Предположим, что, как утверждают многие “левые”, душа отлетела. Но стоит ли, Бенедикт Михайлович, жалеть о том, ибо душой этой было уничтожение тысячелетней России, человеконенавистничество, разрешение крови по совести, узаконенная русофобия... Или тогда нужно признать, что такой погром вам в радость, такая “душа революции” созвучна вашей душе?

Своё восприятие Маяковского, во всех отношениях отличное от сарновского, я выразил давно (“Кубань”, 1991, № 3) и не вижу смысла полемизировать с автором книг “Маяковский. Самоубийство”, “Случай Мандельштама” по конкретике творчества. Скажу предельно кратко, общо.

В. Маяковский, человек и поэт – личность, на протяжении всей жизни и творчества не меняющаяся. Он явил действительно новый тип отечественного писателя, сознательно порвавшего с национальными традициями, утверждавшего своим творчеством ценности, не совместимые с православными ценностями русской литературы. Место человека с “лицом”, созданного по образу и подобию Божьему, в его поэзии занимает социально или чувственно детерминированный индивид. Нет никаких оснований относить творчество В. Маяковского к русской литературе. Поэт – один из первых и один из самых “химически чистых” русскоязычных авторов в словесности XX века.

Вопрос о росте Маяковского, которым задавался Сарнов ещё в конце 1980-х годов, будет, конечно, периодически возникать. В 2006 году в книге о поэте Бенедикт Михайлович ответил на этот вопрос вполне определённо: “Маяковский – один из величайших лириков XX века”. То есть критик остался верен себе, что вызывает уважение. Правда, Б. Сарнову, как и многим-многим другим, нужно понять одно: поэта следует относить к другой – русскоязычной литературе, где он действительно “великан”.

Что же касается роста самого Сарнова, то здесь не миновать вопроса: как быть с огромным количеством фактических ошибок и откровенных подтасовок в книге о Маяковском и в других работах критика. Можно, конечно, пойти по пути самого Б. Сарнова. Он, в частности, так реагирует на “проколы” (реальные или мнимые, в данном случае не имеет значения) В. Маяковского, М. Зощенко, Г. Адамовича: “Охренел он, что ли?”; “Это уже даже не “каша в голове”, прямо безумие какое-то”; “Вот уж, что называется, попал пальцем в небо”.

Можно, если вновь руководствоваться логикой “левых”, вспомнить об образовании. Когда-то меня удивило и покорило высказывание Всеволода Сахарова о Литературном институте: “<...> этот безалаберный лицей для малограмотных советских <...> писателей”. Случай Б. Сарнова, выпускника Литературного института, казалось бы, явное подтверждение правоты точки зрения Сахарова. Однако я вспоминаю похожий случай Д. Быкова, выпускника МГУ, и в растерянности замолкаю. Пусть лучше рост Бенедикта Сарнова определяют его единомышленники – “левые” русскоязычные авторы.